

УДК 343.94
ББК 67.512

Д.В. Жмуров
*кандидат юридических наук, доцент,
Байкальский государственный университет экономики и права*

ИДЕАЛИЗАЦИЯ «ПРЕСТУПНОГО» В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

В статье раскрыты некоторые культуральные аспекты воспроизводства образа преступности в общественной жизни. Особое внимание уделяется такому малоизученному феномену, как криминальная идеализация. Под ней предложено понимать придание характеру преступника или преступлению субъективно положительного, лишённого низменных коннотаций идеального смысла. Изучение криминальной идеализации, вероятно, позволит глубже уловить сущность процессов детерминации преступности. Криминальная идеализация, как показано в статье, характерна не только для индивидуального, но и для массового сознания, так как традиционная культура создает все предпосылки для толерантного отношения к некоторым преступникам и их противозаконным деяниям, их оправдания и даже почитания. Выделено несколько уровней криминальной идеализации, в частности уровень общественных отношений (идеализация преступного происходит в массовом сознании), уровень межличностных отношений (положительное отношение к уголовно наказуемым действиям других людей, а также к ним самим), уровень самоотношения (приписывание позитивного смысла собственным незаконным поступкам). Каждый из указанных уровней идеализации подробно описан и проиллюстрирован различными примерами, в том числе взятыми из интервью оперативных работников Иркутской области. На основе анализа произведений художественной литературы и фольклора, социологических и антропологических исследований представлен исторически и культурно сложившийся образ «благородного преступника». В заключительной части статьи указаны ключевые функции, которые выполняет криминальная идеализация, ее роль и место в сложном процессе воспроизводства образа преступности, передачи норм и ценностей криминального мира от старшего поколения к младшему.

Ключевые слова: преступность; преступная деятельность; детерминация преступности; криминальная идеализация; идеализация преступного.

D.V. Zhmurov
*Candidate of Legal Sciences, Associated Professor,
Baikal National University of Economics and Law*

IDEALIZATION OF «THE CRIMINAL» IN SOCIAL AND PRIVATE LIFE

The article reveals some cultural aspects of criminal image reproduction in social life. Special attention is paid to an understudied phenomenon of criminal idealization. It is considered as attribution of subjectively positive, free of negative connotation ideal meaning to crime or a criminal. The study of criminal idealization will probably let understand crime determination processes better. Traditional culture predetermines tolerant attitude, justification and even respect for some criminals and their illegal actions. Therefore, criminal idealization is characteristic to both individual and collective consciousness. The author defined several levels of criminal idealization: social relations level (criminal idealization in collective consciousness), interpersonal relations (positive attitude to criminally punished actions and their perpetrators), self-attitude level (attribution of positive meaning to criminal actions of one's own). Each of the levels is described in details and illustrated by different examples (including those from Irkutsk region operatives' interviews). Basing on the analysis of

literature and folklore, sociological and anthropological researches, the author reveals the image of «respectable criminal» that had long been developing historically and culturally. Main functions of criminal idealization, its role in complex process of criminal image reproduction and values transfer from the Old to the Young are discovered in the end of the article.

Key words: crime; criminal activity; crime determination; criminal idealization; idealisation of the criminal.

Нередко массовая культура становится благодатной почвой для идеализации образа преступника. Благодаря этому рождается особое отношение к последнему: извинительное, понимающее и даже сочувствующее. Зачастую преступник из отрицательной фигуры превращается чуть ли не в народного героя, и его деяния, реальные или вымышленные, находят отклик в сердцах простых людей. Снискавшие любовь, вызывающие восхищение, почитаемые и одновременно внушающие ужас злоумышленники часто возбуждают особый интерес и пиетет. Уже начиная с «кабинета страхов» Марии Тюссо, чрезвычайное внимание наблюдателей вызывали фигуры реальных убийц и других легендарных преступников [5]. Об их роли в истории, значении и оценке их противозаконных действий спорят до сих пор. Эти исторические фигуры неоднозначны, но легенды о благородстве и героизме некоторых из них продолжают жить по сей день.

На наш взгляд, указанное выше явление можно обозначить термином «криминальная идеализация». Под ней предлагается понимать придание образу преступника или преступлению субъективно положительного, лишенного низменных коннотаций идеального смысла. Например, уголовно наказуемое убийство может приобретать романтический или даже героический оттенок. Это явление во многом объясняет жизнестойкость криминальной субкультуры, ее способность самовоспроизводиться и привлекать все новых людей.

Итак, криминальная идеализация, вероятно, существует в нескольких измерениях: 1) на уровне общественных отношений (идеализация «преступного» происходит в массовом сознании: в традиционной культуре появляются свои «герои» и объекты для подражания, действующие не совсем законными способами); 2) на уровне межличностных отношений (положительное отношение к преступникам, а также к их уголовно наказуемым действиям складывается в случае, если индивид оправдывает образ жизни преступника и его дела, находит нужным соотносить свое поведение

с этими представлениями и старается соответствовать им); 3) на уровне самоотношения (приписывание позитивного смысла собственным незаконным поступкам, что в значительной степени влияет на самоуважение, самопринятие, любовь к себе и самооценку).

Рассмотрим все эти измерения более подробно. Криминальная идеализация на уровне общественных отношений, как уже упоминалось выше, может быть частью традиционной культуры, т.е. принимать массовый и исторически устойчивый характер. Это происходит вследствие героизации и мифологизации отдельных криминальных персонажей. Так, одним из наиболее почитаемых героев Австралии по сей день является Нед Келли – беглый каторжник, грабивший скотоводов и закончивший свою жизнь на виселице в 1880 г. К Неду Келли и его банде относятся с уважением, восхищаются дерзостью и ловкостью этих разбойников и слагают о них баллады. В Австралии считается комплиментом, если вас сравнят с Недом Келли [14].

При этом стоит особо подчеркнуть, что криминальная идеализация не является архаическим феноменом и достаточно часто встречается в наши дни. Приведем лишь несколько примеров. Итальянский гангстер Альфонсо Капоне, открыв социальные столовые для малообеспеченных, заслужил их чрезвычайное уважение и любовь. Колумбийский наркоторговец Пабло Эскобар строил кварталы для бедняков, благодаря чему пользовался большой популярностью среди молодежи и малоимущих, снискав славу народного героя и уважительное прозвище «Эль-Доктор». Вираппан Куси, главарь преступной организации, действовавшей в Индии до 2004 г., считался среди местного населения защитником и борцом с произволом властей. Его банда занималась контрабандой древесины, браконьерством, похищением и убийством людей, некоторые из которых Куси совершал лично. Подобных «героев» немало и в настоящее время, в частности среди ныне живущих российских криминальных авторитетов.

Таким образом, в данном случае речь идет о своеобразном архетипе, запечатленном массовым сознанием, устойчивом клише «благородного разбойника», который может выступать в самых разных амплуа, нередко вызывающих симпатию наблюдателя: джентльмена-грабителя, добропорядочного вора, преступника-защитника, преступника – народного мстителя или ловкого, хитрого, демонстрирующего глупость властей преследующих, неуловимого жулика. Каков бы ни был этот образ, важно, что он устойчиво закрепился в культуре общества и способен расположить к себе увлекающегося человека, стать для него ориентиром при выборе поведения, объектом идентификации, отчасти формировать «идеальное Я» и антисоциальные предпочтения личности. Вся эта «романтическая мишура» на первых порах способна притягивать человека, отвлекая его от истинного лица преступности, циничного и жестокого.

Мифологизированное «благородство преступников», выражаясь языком маркетинга, весьма сходно с «рекламной кампанией» криминальной индустрии, призванной пополнить ряды сочувствующих, а также непосредственных ее участников. Безусловно, не следует считать, что криминальная идеализация – это всегда целенаправленная работа специально обученных людей, скорее всего, она представляет собой социальный феномен, вобравший идеалы, воззрения и ценности, бытующие и создаваемые в произведениях народного творчества и художественной литературы. Ключевая характеристика этого феномена, в каком бы виде он ни существовал, заключается в формировании позитивного образа криминального поведения.

Обратимся к исторически и культурно сложившемуся образу «благородного преступника». Что он представляет собой? Очевидно, что этот типаж вобрал в себя несколько черт. Во-первых, в преступники человека толкает не желание легкого заработка, а несправедливость общества [1]. Его преступная деятельность – это вынужденный шаг, следствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, которые вынуждают пойти на злодеяние.

Во-вторых, «благородного вора» отличает джентльменское отношение к женщинам. Ни в коем случае он не может посягнуть на жизнь женщины. Изнасилование для него также абсолютное табу [1].

В-третьих, враги или оппоненты «благородного разбойника», при всей законности своих поступков, нравственно ниже его [1]. Они совершают куда более неприглядные действия, их преступления куда более опасны и аморальны.

В-четвертых, «благородный вор» не лишен представлений о социальной справедливости. В это понятие вкладываются разнообразные смыслы. С одной стороны, часть преступной добычи может раздаваться нуждающимся. Так, по свидетельству летописца Джона Стоу, Робин Гуд «не трогал бедняков, раздавая им все, что отбирал у святош и знатных богатеев» [8]. О чем-то подобном говорил и Степан Разин: «Я пришел бить только бояр да богатых господ, а с бедными и простыми готов, как брат, всем поделиться» [4]. Свои представления о социальной справедливости были и у кавказских конокрадов. Несмотря на то что люди, профессионально занимавшиеся воровством животных, отвергались общиной, она сохраняла к ним лояльность, если добыча конокрада не использовалась для его личного обогащения, а справедливо перераспределялась [7]. С другой стороны, под социальной справедливостью «благородный вор» может понимать введение и соблюдение каких-либо моральных предписаний. Так, сподручные известного вора Мойше Винницкого (Мишки Япончика) строго придерживались установленного им «морального кодекса». Согласно ему врачей, адвокатов и артистов трогать было запрещено. Их, как они сами говорили, «калечить было нельзя» [13].

В-пятых, «благородный разбойник» сам из народа либо из элиты, но позже сблизившийся с простыми людьми. Он должен быть понятен и близок народным массам, быть «своим», вырасти в недрах рабочих или бедных кварталов.

В-шестых, судьба «благородного вора» полна авантур, нередко походит на сюжет приключенческого романа, способного взволновать и увлечь читателя. Рискованный сюжет, неустрашимость героя, находчивость в критических ситуациях и рыцарственность характера – вот та приманка, которая вызывает чрезвычайный интерес к личности преступника [2]. Его жизнеописание, без преувеличения, вполне может лечь в основу сценария к остросюжетному фильму или художественному произведению. Так, судьба легендарных «влюбленных налетчиков» Бонни Паркер и Клайда Бэрроу вдохновила режиссеров на создание

семи полнометражных кинолент, вошедших в анналы мировой художественной культуры.

Криминальная идеализация на уровне межличностных отношений характерна для индивида, создающего свой красочный образ преступной жизни и увлеченного идеями антиобщественной самореализации. Это измерение отражает способность криминальной субкультуры заинтересовывать, «заражать» непричастных к ней людей. Подобному влиянию были и будут подвержены многие. Этого не избежали даже наиболее яркие представители отечественной интеллигенции. К примеру, один из самых значительных русских поэтов XIX в. Евгений Баратынский во время обучения в Пажеском корпусе был уличен в групповой краже пятисот рублей и черепаховой табакерки. Сам Баратынский в позднейшем письме к Василию Жуковскому (1823 г.) связывал это поведение «с усиленным чтением разбойничьих романов в то время» [11]. Таким образом, роковая ошибка поэта, а именно преступление, повлиявшее на всю его дальнейшую жизнь, стала следствием излишней идеализации преступников и стремления подражать им, испытывать те же чувства, которые изображены в художественных произведениях, кстати сказать получивших достаточно широкое распространение. В теории литературы существует даже специальный термин – «разбойничий роман». В таком романе в центре повествования находится «благородный разбойник», поставивший себя вне закона, совершающий преступления для защиты бедных и бесправных или противостоящий беззаконию власть имущих [2]. Считается, что образ «благородного преступника» изначально сформировался в массовой культуре, вышел из народа и только потом обрел свое место на страницах драматической литературы. В различных своих вариациях разбойничий роман дошел до наших дней и, благодаря таланту своих создателей, продолжает влиять на умы наших современников. Тема «благородного разбойника» красной нитью проходит в романах для юношества, телевизионных фильмах и сериалах, компьютерных играх, детских развивающих книгах с одноименным названием и даже схемах-выкройках для мам. Весь этот культурный массив пусть избирательно, но рано или поздно обретает своего благодарного слушателя, читателя.

Криминальная идеализация на уровне межличностных отношений не обязательно возникает в результате чтения романов или

просмотра кинолент. Она может проявляться в сфере социальной коммуникации, когда неформальным авторитетом для индивида по какой-то причине становится преступник. Ключевой характеристикой рассматриваемого аспекта криминальной идеализации является ее связь с личным опытом и самосознанием. Если идеализация на уровне общественных отношений представляет собой специфические культурные символы, интересующие социологию и антропологию, в этом случае, очевидно, речь идет о психологическом измерении изучаемого явления.

Криминальная идеализация на уровне самоотношения позволяет преступнику проявить и осознать собственное «благородство», придать собственным криминальным поступкам положительное значение. Случается так, что порой ординарные криминальные акты не бывают лишены великодушия.

В ходе исследования было проведено анкетирование и выборочное интервьюирование 27 следователей и оперативных работников Иркутской области. 67 % опрошенных указали на то, что в своей правоприменительной практике встречались со случаями проявленного «благородства». Вот лишь несколько частных примеров, о которых в том числе сообщили респонденты:

- возвращение жертве небольшой части похищенной у нее суммы денег (по данным интервьюирования);

- отказ от совершения изнасилования в случае девственности потерпевшей (по данным интервьюирования);

- совершение анального изнасилования, чтобы не «портить» жертву. Социолог Х. Лагранж приводит примеры, когда анальное изнасилование совершалось подростками в связи с тем, что в некоторых бандах считалось важным «уважать девственность»;

- при снятии одежды с потерпевшего обмундирование ее на старую, но пригодную для ношения (по данным интервьюирования);

- возвращение украденного в том случае, если человек является публичной персоной (например, случай возврата похищенного автомобиля олимпийской чемпионке Светлане Журовой после ее публичного обращения к преступникам [10]);

- возвращение части похищенного, на которую не распространялся преступный мотив. Так, вор, укравший ноутбук профессора шведского университета Umea, вернул все его со-

держимое на флэш-карте, когда узнал, что на жестком диске содержались записи за последние десять лет работы ученого;

– добровольный отказ от преступления и вознаграждение жертвы, достойной, по мнению преступника, сочувствия. Во время квартирной кражи у 91-летней жительницы д. Сосновка Кировской области преступники, увидев, насколько бедна их жертва, оставили ей деньги и записку следующего содержания: «Это вам на жизнь, бабушка!» [3];

– благородное негодование вора. В 2011 г. мужчина украл из припаркованного автомобиля два мобильных телефона и бумажник. После того как в одном из телефонов он увидел детские порнографические снимки, добровольно явился в полицию, чтобы содействовать расследованию этого случая. В результате был арестован 46-летний педофил [9]. Или другой случай: во Львовской области был пойман грабитель церковного имущества. В ходе следствия было установлено, что в нескольких эпизодах преступник совершал кражи из храмов, настоятелей которых он сам считал «греховными людьми». В одной церкви он совершил преступление, когда узнал, что священник не отдал детям подарки на праздник святого Николая [6].

Следует отметить, что все перечисленные аспекты криминальной идеализации тесно связаны друг с другом и находятся в постоянном взаимодействии. Так, если «благородный» поступок вора или убийцы станет кому-то известным и вызовет стремление подражать или оправдывать его поведение, то в этом случае идеализация распространится на межличностный уровень. Если эта история зафиксирована в общественном сознании, приобретет фольклорные черты, то можно будет говорить уже

об идеализации на уровне общественных отношений.

Итак, криминальная идеализация – это придание образу преступника и преступлению благородных и возвышенных черт. В этом процессе могут принимать участие и сам нарушитель, и третьи лица, которые по каким-либо причинам считают его поведение правильным. Главная опасность криминальной идеализации заключается в создании культурного образа, способного волновать молодое поколение, увлекать его идеями «праведности», «привлекательности», «ценности» криминального поведения, предоставляя соответствующие поведенческие образцы.

Все перечисленное позволяет такому явлению, как криминальная личность, успешно существовать и развиваться в широком спектре социальных ролей, быть желанной и более привлекательной по сравнению с ними. В данном контексте криминальная личность – это надындивидуальный феномен, который транслируется в сознание отдельного человека, закрепляется там и начинает определять его дальнейшее негативное поведение. Из характеристик криминальной личности особо стоит отметить ее иррациональную привлекательность, авантюризм, способность «заражать» индивида деятельной энергией, толкающей на преступный путь. Криминальная идеализация выполняет множество различных функций: формирование лояльности к отдельным формам криминального поведения, гуманизация образа преступника, повышение престижа социальной роли преступника, создание привлекательных образцов антисоциального поведения, выработка идеологии оправдания противозаконных поступков (различных форм криминального алиби) и т.д.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архетип благородного разбойника: от Тиамида до Леона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tervby.livejournal.com/1132.html>.
2. Вацуро В.Э. Готический роман в России [Электронный ресурс] / В.Э. Вацуро. – Режим доступа: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/vacuro-goticheskij-roman/razbojnichij-roman.htm>.
3. Воры оставили нищей старушке 500 р., ничего не взяв [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lifeneews.ru/#!news/65042>.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. – Тбилиси, 2013.
5. Музей мадам Тюссо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://londonme.ru/madame-tussauds>.
6. «Народный мститель» из Закарпатья «обчистил» семь церковных храмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ua-reporter.com/print/82817>.
7. Нефляшева Н. Северный Кавказ. Люди топографической периферии. Конокрад – герой или преступник? [Электронный ресурс] / Н. Нефляшева. – Режим доступа: <http://hekupsa.com/mnenie/n-neflyasheva/1354-n-neflyasheva-lyudi-topograficheskoy-periferii-konokrad>.

8. Робин Гуд. Герой или злодей: Энциклопедия мировых сенсаций XX века. – Т. 2 : Ошибки и катастрофы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.ru/Encycl/History/Sensation/sens104.html>.
9. Самые добропорядочные воры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.forblabla.com/blog/45754420145/Top-10-samyie-dobroporyadochnyie-voryi>.
10. Светлане Журовой вернули угнанный автомобиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/sport/01apr2007/zurova.html>.
11. Словарная статья «Баратынский Евгений Абрамович» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Баратынский,_Евгений_Абрамович.
12. Словарная статья «Разбойничий роман» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Разбойничий_роман.
13. Соколов В.Б. Котовский [Электронный ресурс] / В.Б. Соколов. – Режим доступа: http://www.e-reading-lib.com/bookreader.php/1016919/Sokolov__Kotovskiy.html.
14. Хант К. Эти странные австралийцы. Преступление и наказание [Электронный ресурс] / К. Хант. – Режим доступа: <http://www.langust.ru/review/xeno-aud.shtml>.

REFERENCES

1. Archetype of a respectable bandit: from Tiamid to Leon. [Arhetip blagorodnogo razbojnika: ot Tiamida do Leona]. Available at: <http://tervby.livejournal.com/1132.html>.
2. Vacuro V.Je. Gothic novel in Russia. [Vacuro V.Je. Goticheskij roman v Rossii]. Available at: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/vacuro-goticheskij-roman/razbojnichij-roman.htm>.
3. Thieves left a poor old lady with 500 roubles without taking anything. [Vory ostavili nishhej starushke 500 r., nichego ne vzjav]. Available at: <http://lifenevnews.ru/#!/news/65042>.
4. Kostomarov N.I. Russian history in biographies of its prominent figures. [Kostomarov N.I. Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih dejatelej]. Tbilisi, 2013.
5. Madame Tussauds Museum. [Muzej madam Tjusso]. Available at: <http://londonme.ru/madame-tussauds>.
6. «Law and order avenger» from Transcarpathia has cleaned out 7 churches. [«Narodnyj mstitel'» iz Zakarpat'ja «obchistil» sem' cerkovnyh hramov]. Available at: <http://ua-reporter.com/print/82817>.
8. Robin Hood. Hero or evil: XX Century sensations' Encyclopedia. Vol. 2: Mistakes and catastrophes. [Robin Gud. Geroj ili zlodej: Jenciklopedija mirovyh sensacij XX veka. – Т. 2 : Oshibki i katastrofy]. Available at: <http://elib.ru/Encycl/History/Sensation/sens104.html>.
9. The most respectable thieves. [Samye dobroporjadochnye vory]. Available at: <http://pravo.forblabla.com/blog/45754420145/Top-10-samyie-dobroporyadochnyie-voryi>.
10. Stolen car was returned to Svetlana Zhurova. [Svetlane Zhurovoj vernuli ugnannyj avtomobil']. Available at: <http://www.newsru.com/sport/01apr2007/zurova.html>.
11. Dictionary entry «Baratynskij Evgenij Abramovich» [Slovarnaja stat'ja «Baratynskij Evgenij Abramovich»]. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Baratynskij,_Evgenij_Abramovich.
12. Dictionary entry «Razbojnichij roman». [Slovarnaja stat'ja «Razbojnichij roman»]. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Razbojnichij_roman.
13. Sokolov V.B. Kotovsky. [Sokolov V.B. Kotovskij]. Available at: http://www.e-reading-lib.com/bookreader.php/1016919/Sokolov__Kotovskiy.html.
14. Hant K. These strange Australians. Crime and punishment. [Hant K. Jeti strannye avstralijcy. Prestuplenie i nakazanie]. Available at: <http://www.langust.ru/review/xeno-aud.shtml>.

Сведения об авторе

Жмуров Дмитрий Витальевич – доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, координатор проекта «Национальная энциклопедическая служба России», кандидат юридических наук, доцент, Иркутск; e-mail: zdevraz@ya.ru.

About the author

Zhmurov Dmitrij Vital'evich – Associated Professor of Chair of Criminal Law and Criminology of Baikal National University of Economics and Law, «National encyclopedic service of Russia» project coordinator, Candidate of Legal Sciences, Associated Professor, Irkutsk; e-mail: zdevraz@ya.ru.